

какъ въ смыслъ нравственнаго и умственнаго первенства среди людей своей страны и своего поколѣнія. Въ этомъ только значеніи допускаемъ мы идею, высказанную недавно по поводу юбилейнаго торжества московскаго университета, что въ академической молодежи заключается „соль земли“. Аристократія ума можетъ быть допущена лишь подъ условіемъ великихъ обязанностей въ дѣлѣ служенія своему народу и всѣмъ высшимъ цѣлямъ его культурнаго преуспѣянія. Честь быть представителями научнаго знанія, т. е. истины и разума, обязываетъ ко многому, въ особенности тамъ, гдѣ главная причина всяческихъ золъ заключается въ слабомъ подъемѣ умственнаго, а слѣдовательно и нравственнаго, развитія народной массы.

Во всякомъ случаѣ, въ молодежи заключается самая живая сила университетовъ,—та сила, которая ближе всего связываетъ эти образовательныя учрежденія съ цѣлымъ обществомъ, со всею будущностью страны. И послѣ всего только что сказаннаго нами, мы искренно радуемся увеличенію числа студентовъ, которое особенно стало замѣтнымъ въ только что истекшемъ академическомъ году харьковскаго университета. Въ каждомъ новомъ членѣ студенческаго общества мы желали бы и теперь уже угадать будущаго дѣятеля на пользу Россіи,—человѣка съ серьезнымъ знаніемъ, съ крѣпкими нравственными убѣжденіями, съ идеалами чести и добра, безъ которыхъ немилма, неизбежная для каждаго изъ насъ, жизненная борьба.

При значительномъ умноженіи количества студентовъ, типина и правильность, съ которыми прошли у насъ цѣлые 12 мѣсяцевъ въ истекшемъ году, представляютъ собою всячески хорошее явленіе. Здѣсь, можетъ статься, имѣемъ мы дѣло съ рѣшительнымъ наступленіемъ новаго періода для нашихъ университетовъ, когда вся молодежь станетъ ясно и трезво глядѣть на свои обязанности, которая велятъ ей—быть дѣятельными, честно трудящимися членами „обширной космополитической семьи людей знанія, мысли и неустаннаго изслѣдованія истины“. Таковъ былъ и такимъ долженъ навсегда остаться правильный ходъ личнаго развитія: „начала поработать надъ усвоеніемъ знанія и надъ самимъ собою, а затѣмъ уже выступать въ жизнь, на борьбу, для того, чтобы послужить, въ общественномъ трудѣ своемъ, примѣромъ облагораживающаго вліянія науки на характеръ человѣка“.

Обозрѣвая внимательно только что истекшій годъ въ жизни нашего университета, мы можемъ и даже обязаны

остановиться еще на нѣкоторыхъ другихъ фактахъ и признакахъ. Повидимому, теперь отъ всѣхъ университетовъ вообще еще дальше „отошолъ въ прошлое самый тяжелый, хотя и недавній, періодъ въ ихъ исторіи“. Возвращеніе къ уставу 1863 года есть фактъ совершившійся. Миновала, въ этомъ отношеніи, та неизвѣстность, которая существовала еще во всей своей силѣ въ юбилейный день прошлаго года, для нашего университета, наравнѣ со всѣми другими университетами Россіи. Независимо отъ майскаго циркуляра г. министра народнаго просвѣщенія,—циркуляра, который оцѣненъ по достоинству общественнымъ мнѣніемъ всей Россіи,—учоное сословіе харьковскаго университета имѣло честь услышать лично отъ самого г. министра приглашеніе: „стать на высоту довѣрія, закономъ ему оказываемаго“. Повидимому, теперь ясно понято и съ искренностью устраняется то зло, на которое мы имѣли случай гораздо прежде указывать на столбцахъ нашей газеты, а именно: „громадный вредъ отъ систематическаго недовѣрія и худо скрываемаго презрѣнія къ такимъ чувствительнымъ и важнымъ органамъ общественной дѣятельности, каковы учоныя collegii“ (См. № 126-й „Южнаго Края“, 14-го мая 1881 г.). И дѣйствительно, „придирчивый пессимизмъ и воинствующее отношеніе министерскихъ канцелярій“ къ университетамъ оказались невозможными послѣ циркуляра, въ которомъ читаются такія слова барона Николаи: „Уважая ихъ призваніе (т. е. учоныхъ корпорацій), буду уважать права, закономъ имъ предоставленныя, ожидая не въ меньшей мѣрѣ исполненія такихъ обязанностей, которыя съ этими правами неразрывно связаны“.

Полагаемъ и теперь, какъ думали и писали мы нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, что лучшимъ и единственнымъ средствомъ поднять общественную и полезную роль каждаго честнаго дѣятеля есть довѣріе къ личности и правамъ его. Истекшій годъ въ жизни нашего университета только усилилъ вѣру нашу въ справедливость такого общаго положенія. Невѣрующаго же пусть окончательно убѣдятъ всѣмъ извѣстные факты и данныя изъ отчета, который скоро сдѣлается извѣстнымъ и путемъ публичнаго чтенія и путемъ печати. Отмѣнены у насъ чрезвычайныя правила графа Толстого о надзорѣ за студентами; восстановлено прежнее устройство университетской полиціи съ прокуроромъ во главѣ,—и отвѣтомъ послужило то ровное, тихое теченіе университетской жизни, на которое мы уже указали выше. Выставленъ принципъ довѣрія къ университетскимъ коллегі-

ямъ,—и отвѣтъ, въ настоящемъ случаѣ, дается лучше всего печатными страницами годичнаго отчета университета о работахъ его членовъ, вмѣстѣ съ указаніями на труды студентовъ и на работы факультетовъ о наибольшемъ увеличеніи научныхъ и практическихъ занятій въ средѣ университетской молодежи. Конечно, многое въ этомъ дѣлѣ предстоитъ еще совершить даже ближайшему будущему. Но было бы несправедливостью—не признавать того, что уже сдѣлано или начато въ настоящій моментъ, когда только что оставлены въ сторонѣ мѣропріятія, „въ послѣдніе годы временно приостанавливавшія полное развитіе началъ, положенныхъ въ основаніе устава 1863 года, и вызванныя исключительными событіями“.

Въ заключеніе остается только пожелать, чтобы наша общественная жизнь, въ цѣломъ теченіи своемъ, поскорѣ пошла ровнымъ и прямымъ путемъ, устранивъ всякія исключительныя положенія для всѣхъ крупныхъ интересовъ Россіи, и въ томъ числѣ для цѣлей научнаго и нравственнаго вліянія на молодое поколѣніе со стороны университетовъ. Само собою разумѣется, что всѣ наши лучшія желанія въ особенности принадлежатъ чествуемому нами сегодня харьковскому университету, который—думаемъ мы—сослужилъ уже немалую службу образованію Россіи. Поддержанная самимъ г. министромъ надежда на расширеніе научныхъ средствъ этого, столь близкаго къ намъ, университета, можетъ статься, осуществится въ предстоящемъ году. Тогда, конечно, возникнетъ еще большее основаніе—предъявлять харьковскому университету требованіе объ „обязанности его пешихъ, какъ о развитіи науки и о возбужденіи въ учащемся юношествѣ любви къ ней, такъ и объ охраненіи порядка въ университетѣ“.—Харьковскій университетъ дѣлалъ свое дѣло; но онъ можетъ и долженъ сдѣлать гораздо болѣе при усиленіи своихъ средствъ и при расширеніи своихъ учрежденій. Было бы истиннымъ благополучіемъ для нашей alma mater, если бы судьба поскорѣ поставила въ такія именно условія научную дѣятельность и образовательную роль харьковскаго университета.

ХАРЬКОВЪ,

16-го января 1882 г.

Еще однимъ годомъ стало больше въ жизни харьковскаго университета. Еще однимъ годомъ сдѣлалось ближе къ полному столѣтію отъ основанія этого старѣйшаго университета на югѣ Россіи. Привѣтствуемъ и нынче съ юбилейнымъ днемъ родную „академію“ столь же искренно, какъ сдѣлали мы это въ прошедшемъ году. Кто провелъ всю свою жизнь въ аудиторіяхъ, сначала въ роли студента, а затѣмъ въ положеніи профессора, для того каждый лишній годъ только закрѣпляетъ нравственную связь съ такимъ учрежденіемъ, которому отдаютъ лучшія силы нѣсколькихъ поколѣній профессоровъ, куда вложены надежды и гдѣ сосредоточены крупнѣйшіе интересы всѣхъ серьезныхъ общественныхъ дѣятелей настоящей эпохи. Кто вдумывался, хотя немного, въ вопросъ о значеніи университетовъ для Россіи, тотъ, вѣроятно, согласится, что ни надежды, ни интересы, которые съ ними связаны, никогда не были и не будутъ корыстными, узкими или эгоистическими надеждами и интересами одной корпораціи. Напротивъ, интересы университетовъ вѣчно будутъ интересами общаго блага, знанія и нравственнаго добра. Надеждами университета навсегда останутся упованія на то, что люди, которыхъ воспитываетъ высшая наша школа, будутъ полезными тружениками для всей родной земли,—что люди эти сдѣлаютъ уврачевать недуги общественныя и облагородить вліяніемъ науки практическую жизнь. Студентъ университета можетъ и долженъ быть „лучшимъ человѣкомъ“ не иначе,